

КАЛИНИНГРАД. Мистический романс

Завершающей премьерой сезона в Калининградском областном музыкальном театре стал спектакль «Лермонтов» по пьесе Ольги Большевой. Этим сценическим произведением театр стремится привлечь к разговору о поэте зрителей, особенно школьников. «Лермонтов» соединяет в единой композиции самое привлекательное для молодых — романтику влюбленности и мужское соперничество, порывы чувств и смертельные угрозы, красоту и тайну, блеск и трагедию. Поворачиваясь разными гранями, спектакль, словно ожившее время 1841 года, представляет Лермонтова не скучной фигурой из школьного учебника, а трагически противоречивым юношей невероятного таланта. Это уже четвертая постановка экспериментального жанра, созданная творческим союзом режиссера Елены Сафоновой и драматурга Ольги Большевой. Режиссер-постановщик и сценограф Елена Сафонова нашла особый ключ к сложному и требующему ответственности материалу: спектакль о Лер-

монтове поставлен в жанре «мистический романс». Мистика заложена в самом сюжете пьесы. Действие ее разворачивается уже после смерти поручика Тенгинского полка Михаила Лермонтова. Бабушка поэта, Елизавета Арсеньева, отправляет на Кавказ главного героя Дмитрия Палена (**Антон Макеев**), чтобы выяснить тайны и интриги роковой дуэли, погубившей ее внука. Отправляясь в Пятигорск, Пален почти ничего не знает о Лермонтове, и зрители вместе с ним пытаются распутать накрепко завязанный узел сплетен, слухов, домыслов и мифов о причинах смерти великого поэта.

Лермонтов (**Станислав Ананьин**) в спектакле появляется почти сразу — словно в бредовой галлюцинации, его образ является к изнемогающей от горя бабушке (**Елена Князева**). Поэта возвращают из загробного мира слова его «Молитвы» и образ прекрасной девушки (**Галина Кузнецова**). В спектакле она как ангел-хранитель создает дополнительное пространство и свечение песнями, полными «звучков небес». Про-

Лермонтов — С. Ананьин, Вера — Ю. Домаш

Лермонтов — С. Ананьин

странство света и поэзии воплощается и в призрачном образе неба Кавказа — его снежные горы парят над обитателями Пятигорска как грозный и торжественный символ вечности. Это небо уже приняло к себе поэта, а оставшимся на земле до сих пор остается любить его, ненавидеть, вспоминать, жалеть, восхищаться... Сценография спектакля разомкнута, на сцене распахнуты все входы — с террасы усадьбы, из курортной кофейни, из бальной залы, с горной дороги, из имения в Тарханах: эта сквозная открытость делает материальный мир спектакля поэтически неуловимым, взаимопереходящим, завораживающе-изменчивым, как сновидение. В исполнении Станислава Ананьина (чье внешнее сходство с Лермонтовым неоспоримо и в каком-то смысле послужило толчком к созданию спектакля), поэт очень разный, неожиданный в каждой сцене. Талант, храбрец, впечатлительный юноша, гордец, романтик, несносный остряк, ловелас — тайну его противоречивой личности пытаются разгадать до сих пор, но напрасно.

Драматург Ольга Большчева очень трепетно отнеслась к биографическим материалам и наследию Лермонтова. В пьесе использованы письма, воспоминания, фрагменты из произведений — поэт в спектакле говорит своими собственными словами, общается с самыми разными фигурами из своего окружения: Чилаевым, Глебовым и другими. Вымышленные персонажи подсказаны самим поэтом: в спектакле появляется Максим Максимыч, Вера из романа о Печорине. Вторым жанровым определением новой премьеры могло бы стать «прикосновение». Зрители видят Лермонтова как образ, фантом, глазами созданных им героев, в воспоминаниях и фантазиях обитателей Пятигорска и Петербурга. Каждая сцена спектакля так или иначе прикасается к Лермонтову, говорит о нем: то в любовном объяснении, то в свежей сплетне, то в романтическом воспоминании.

Дмитрий Пален по приезду в Пятигорск попадает в магический круг, очерченный обстоятельствами роковой дуэли: он поселяется в доме, где жил Лермонтов,

Пален — А. Макеев, Максим Максимыч — О. Синицын

Лермонтов — С. Ананьин, Маска — Е. Альфер

Полина — А. Макеева, Пален — А. Макеев

и немедленно впутывается в хитросплетения чувств и страстей. Влюбленность с первого взгляда в княжну Полину Адашеву (**Анастасия Макеева**) превращается в любовный треугольник, ведь его друг, браво-гусар Краевский (**Михаил Петров**) тоже внезапно в нее влюбился... И это романтическое соперничество приводит к дуэли между давними друзьями. В исполнении Антона Макеева его довольно циничный герой проходит непростую проверку и любовью, и дружбой, он открыт в своих порывах, но в итоге его судьба оказывается сломана. Похожий путь проходит и Полина: выход из своеобразного «заточения» тут же вовлекает героиню в пучину чувств и страстей, с которыми она не в силах совладать.

Режиссер мастерски выстроила незаметный и убийственный механизм, который, по версии драматурга, может сделать вроде бы случайную дуэль орудием неотвратимой расправы. Среди салонных разговоров о том, ради какой романтической страсти стрелялись Лермонтов и Мартынов, или какая острота была тому виной,

плетется заговор против Палена, который задает слишком много неудобных вопросов. В спектакле словно невзначай звучат все основные версии гибели поэта, исследованные биографами и историками.

Герои неожиданны, уникальны, глубоки по оттенкам и краскам — умирающий от чехотки фанатичный поклонник поэта князь Адашев (**Григорий Мухомедьяров**), бесконечно добрый и мудрый Максим Максимыч (**Олег Синицын**), обворожительная Маска Смерти (**Елена Альфер**) на маскараде, ведущая с поэтом судьбоносный разговор о будущем... Сцены любовного объяснения Полины, Краевского, Палена, случившиеся в один день, — одни из лучших в спектакле. Великолепны интриганы в исполнении **Антон Арнтгольда** и **Евгения Макаревича**. Мир военных, удалых гулянок и офицерской чести ярко воплотил **Илья Рихтер** в образе корнета Мансурова, а блестящее дамское общество Пятигорска привнесло в постановку неповторимую салонную атмосферу развлечений, интриг и самолюбиво-го соперничества. Художник по костюмам

Сцена из спектакля

Елена Альфер осуществила огромную работу — все мужские и женские костюмы (бальные платья, мундиры, черкесские наряды) воссозданы с предельной исторической достоверностью. Более того — весь мужской состав «Лермонтова» отрастил усы, принятые у офицеров в то время! На маскараде-сновидении царит буйство фантазийных цветов и линий, и зловещий разноцветный клоун распоряжается балом, словно «alter ego» поэта. Синие прозрачные экраны декораций, меняя место действия, открывают слой за слоем те пространства и времена, чувства и поступки, в которые был погружен поэт. Романы на стихи Лермонтова, черкесские танцы, слова о Кавказе, неземной красоты песня (стихи **Александра Кирпичева**, положенные на музыку **Бетховена**) — все вместе создает сложную, тонкую, взаимопроницающую композицию спектакля, словно до сих пор отражающую уже ушедшую реальность во многих зеркалах.

Актеры в образах современников Лермонтова воссоздают очарование летнего курорта, и не менее искусно передают

мистическую, трансцендентную атмосферу рождения поэзии, событий внутреннего мира, галлюцинаций и воспоминаний, великой музыки... Сцены Веры (**Юлия Домаш**) и Лермонтова наполнены чувственным и драматическим напряжением такой силы, что становится ясно, как глубоко источники рождения его стихов. Бальные разговоры сменяются сновидением, объяснения влюбленных — горестным бредом, скрытные планы — яростным всплеском эмоций. В финале Пален попадает в ту же дуэльную ловушку из светских обязательств, порывов чувств и невозможности выбрать, остановиться, одуматься...

Что же сильнее — зловещая сеть интриги, необузданность чувств, самоубийственная сила таланта, воля судьбы? Спектакль не дает однозначного ответа, он только прикасается к жизни и личности Лермонтова — великий поэт приближается к нам в самых разных зеркалах воображения и памяти...

Евгения ЧУГРЕЕВА

Фото предоставлены театром